

Дискурсы этики. 2024, 2(22): 35—54

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/02/DE2024_2_22_35-54.pdf

УДК 177

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: «ГЕРОЙ ЭПОХИ», АРХИВ И КАНОН

Макарова Н. П., Глебова С. В.

статья:

поступила в редакцию 01.11.2024

принята к публикации 21.11.2024

опубликована (онлайн) 22.02.2025

© Макарова Надежда Павловна

лаборант-исследователь

Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

адрес для корреспонденции: np99np99@mail.ru

© Глебова Софья Валерьевна

кандидат философских наук,

старший преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: sophi.ign@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Цель статьи — определить пути трансформации культурной, исторической памяти в цифровых реалиях на примере современных повседневных и специализированных практик, а также описать механизм формирования и трансляции образов прошлого в медиареальности. Показана специфика воздействия цифровых эффектов на формирование и трансляцию образов прошлого в рамках современных архива, музея, коммеморативных практик. Проблематизируется вопрос

объективности, проблемной полноты памяти — истинности как этической ценности. Актуализируются свойства медиасреды — генеалогичность и беспомытность, предложенные У. Эко. Приводится концепция «места памяти» П. Нора, которая расширяется до обозначения конкретной личности и воплощения в «герое эпохи». Рассматривается и иллюстрируется положение А. Ассман о двух режимах культурной памяти на примере цифровых объектов. Современные механизмы и акты памятования, появившиеся в цифровых реалиях или трансформированные ими, при учете их внутренних смысловых противоречий представляются в концепциях мест памяти — героя эпохи — «эвримена», Канона и Архива, между активным и пассивным типом культурной памяти и культурного забвения. Были сделаны следующие выводы: во-первых, мемориальные и комеморативные практики в цифровой среде, во многом, являются логическим продолжением аналоговых практик. Во-вторых, относительно вопроса истинности памяти как ценности, с одной стороны, мы наблюдаем увеличение внимания к «эвримену», признание само-ценности его памяти, возможность признания каждого в качестве героя; с другой стороны, неотъемлемой характеристикой современного героя является его хрупкость в том числе в следствии рассеянности памяти, ее фрагментарности. И, наконец, несмотря на то, что запрос на архивный подход постоянно присутствует в общественном дискурсе, практики дигитального памятования на данном этапе не приближают общество к формированию объективных, всесторонне-представленных воспоминаний. Актуальность исследования определяется современной социокультурной практикой, а рассматриваемые вопросы имеют теоретическое значение как в области культурологии, философии, так и в описании и решении целого ряда актуальных нравственных вызовов.

Ключевые слова: память, практики памятования, цифровая реальность, архив, канон, ценность, герой эпохи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/> в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта.

Discourses of Ethics. 2024, 2(22): 35—54

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/02/DE2024_2_22_35-54.pdf

CULTURE OF REMEMBRANCE IN THE DIGITAL AGE: “HERO OF THE AGE”, ARCHIVE AND CANON

Makarova Nadezhda, Glebova Sofia

received 01.11.2024

accepted 21.11.2024

published (online) 22.02.2025

© Nadezhda P. Makarova

Laboratory Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Correspondence to: np99np99@mail.ru

© Sofia V. Glebova

PhD in Philosophy,

Senior Lecturer at the Department of Management, National Research University

“Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: sophi.ign@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. The purpose of the article is to determine the ways of transformation of cultural, historical memory in digital reality on the example of modern everyday and specialized cultural practices, and to describe the mechanism of formation and transmission of the value and images of the past in media reality. The specificity of the impact of digital effects on the formation and transmission of images of memory in the context of modern archives, museums and commemorative practices is shown. The issue of truth as an ethical value and problematic completeness of memory is problematized. The properties of the media environment are actualized — genealogicality and forgetfulness proposed by U. Eco. The concept of the «place of memory»

by P. Nora is presented, which expands to designate a specific personality and realize in the «hero of the age». A. Assmann's position on two modes of memory is considered and illustrated. Modern mechanisms and acts of remembrance that have appeared in digital realities or have been transformed by them, taking into account their internal semantic contradictions, are represented in the concepts of places of memory — the hero of the age — the “everyman”, the Canon and the Archive, between the active and passive type of cultural memory and cultural oblivion. The transformation of the images of the archive, document and "heroes of the age" is determined by the essence of digital processes: the fact that the past is displaced into the space of only perceived momentary events. It is concluded that, firstly, memorial and commemorative practices in the digital environment are, in many ways, a logical continuation of analog practices. Secondly, regarding the question of the truth of memory as a value, on the one hand, we are witnessing an increase in attention to "everyman", recognition of the self-value of his memory, the possibility of recognizing everyone as a hero; on the other hand, an integral characteristic of a modern hero is his fragility, including as a result of scattered memory, its fragmentation. And finally, despite the fact that the demand for an archival approach is constantly present in public discourse, the practices of digital memory at this stage do not bring society closer to the formation of objective, comprehensively presented memories. The relevance of this paper is determined by modern socio-cultural practice, and the issues under consideration have undoubted theoretical significance both in the field of cultural studies, philosophy, and in the description and resolution of morally problematic situations.

Keywords: Memory, Remembering Practices, Digital Reality, Archive, Canon, Value, Hero of the Age.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00214, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/> at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

«Человек я или виртуальный клон?» — задается вопросом Ж. Бодрийяр в 1990 г. в «Прозрачности зла» [3, с.38]. Сегодня активизируясь, подобная проблема находит свое живое воплощение при создании и использовании цифровых имитаций¹. При этом, определение морального и правового статуса данных агентов остается проблематичным как в рамках профессионального академического дискурса, так и в поле повседневности: не утихают дискуссии об этикете ведения социальных сетей, статуса искусственного интеллекта (ИИ) в рамках авторского права и т.д.

Ещё более острой делает эту проблему тот факт, что в современном мире коммуникация с такими цифровыми имитациями не ограничивается «сферой живых». Известны сервисы по созданию цифровых завещаний и передаче ключей доступа к учетным записям и электронным материалам родственникам после смерти их владельца²; по отправке посмертных сообщений. В связи с этим возникает вопрос конфиденциальности данных (по отношению к информации умершего), получения согласия на подобное общение родственниками умершего и возможности для коммерческой манипуляции (со стороны многочисленных сервисов). Сегодня все активнее коммуникация в сети включает в себя и реконструированных инструментами ИИ в чат-ботах мертвых, регулирование взаимодействия с которыми теперь требует радикально но-

¹ К цифровым имитациям относят цифрового двойника, цифровую личность, цифровую модель, цифровую копию и цифрового человека/цифровых людей. См.: Этические рекомендации в области создания и использования цифровых имитаций живущих, умерших и несуществующих людей. — URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_documents/2024/04/26/Рекомендации_по_цифровым_имитациям_АИИ.pdf (Дата обращения: 27.12.2024).

² Например, в 2017 такие сервисы упоминали К. Оман и Л. Флориди: Everplans и Passwordbox.com. См.: Ohman, C., Floridi, L. (2017). The political economy of death in the age of information: A critical approach to the digital afterlife industry. *Minds and Machines: Journal for Artificial Intelligence, Philosophy and Cognitive Science*, 27(4), 639–662. Сегодня корпорация Apple представляет относительно недавнюю функцию «Цифрового наследия» на iPhone.

вых подходов к решению моральных дилемм в контексте культуры памяти³. К примеру, принципиально затруднительным представляется разрешение некоторых следующих вопросов этического характера:

- во-первых, согласование аспектов многообразных практик, традиций, религиозных представлений, связанных со смертью и памятью в разных культурах, с унифицированным механизмом цифрового «воскрешения»;
- во-вторых, достоверность изображения и функционирования цифровой имитации исторической и культурно значимой личности при публичном использовании, а также вопрос корректности воспоминания о ней: насколько непротиворечив механизм действия ее цифровой копии в настоящее время в сравнении с сформированным нарративом памяти о ней и др.

Вышеперечисленные стороны «оживления» человека в чат-боте после физической смерти предполагают использование цифровой программы-алгоритма, виртуального собеседника при участии искусственного интеллекта, осуществляющей автоматическое общение, имитирующей диалог с пользователем с помощью текстового или голосового сопровождения и настроенной на взаимодействие, мгновенную выдачу ответа. Очевидно, что такая форма существования не может быть признана альтернативной формой жизни для самого умирающего, но она предлагает для пользователя чат-бота создать альтернативный вариант дорогого ей или ему человека. Насколько этично создание такого рода альтернатив, каков моральный статус данных чат-ботов или даже нейросетей — остается предметом дебатов в академической среде. Авторы же считают важным заметить, что на данном этапе развития технологий, когда нейросети не могут быть признаны моральными агентами, данные изобретения могут иметь статус терапевтических мемориальных практик, инструментов психологической защиты.

³ К примеру, дэдботы (deadbots), боты скорби (griefbots), сервисы по оцифровке воспоминаний, по воссозданию личности умершего в виртуальной реальности порождают вопросы санкционированного создания цифровой имитации и определения ее целей формирования и границ трансляции, использования.

Описанный процесс воссоздания цифровой личности умершего технологиями ИИ указывает на попытки перемещения индивидуального акта памятования в цифровое измерение. Однако данные практики сферы цифрового послесмертия также указывают на общий, более широкий контекст: на трансформацию способов исторического восприятия и механизмов формирования индивидуального и коллективного воспоминания дигитальным режимом современности. В статье представлен обзор специализированных и повседневных практик памятования, а также «символических объектов памяти», которые оказались наиболее репрезентативными в иллюстрации изменения режима памяти в цифровом обществе.

Французский историк Пьер Нора назвал «символическими объектами нашей памяти» и «ценностями в себе» архивы, библиотеки, кладбища, коллекции, протоколы, трактаты, словари и музеи наряду с коммеморациями, а также праздники, годовщины [6]. Он вводит значимое для современных исследований памяти и истории понятие «мест памяти»⁴. Современный немецкий историк, культуролог Алеяда Ассман определила два типа культурной памяти, действующих в настоящее время: архив и канон [10]. Данные концепции не утратили свою актуальность, позволяют описать феномен памяти в цифровом обществе.

Пространство человеческой памяти с изобретением цифровых технологий значительно расширилось. Группа немецких психологов, изучая феномен цифровой памяти, отмечает отчетливую тенденцию «мнемотической аугментации» (*memory augmentation*), то есть расширение пространства и объема человеческой памяти. В рамках построения своей новой модели памяти AMEDIA-Model (Autobiographical Memory in the Digital Age) исследователи отмечают, что память современного челове-

⁴ П. Нора дает неисчерпывающий список примеров мест памяти. В дальнейшем немецкий историк Ф.Б. Шенк обозначает в качестве места памяти и личность, и событие, и отдельный предмет. См.: Шенк Ф.Б. Концепция «Lieu de memoire» // Исторические записки. 2011. № 2. Для нашего исследования является значимым возможное представление конкретного человека как места памяти, который претворяется в «герое эпохи», трансформированном медиа- и цифровым режимом.

ка заключена между его «внутренней» (индивидуальной памятью) и информацией внешней [4; 12, с.84]. Отталкиваясь от внешних источников (фотографий, музыки, видео), человек расширяет свои воспоминания, актуализируя благодаря ассоциативным рядам имплицитную память.

В связи с этим феноменом мы, с одной стороны, говорим о том, что критерий истинности стал как никогда более значим в практиках как индивидуальной, так и коллективной памяти. Значение, которое придается документам, объектам-свидетельствам событий, сложно переоценить. Люди получили возможность достоверно передавать друг другу свои воспоминания посредством фотографий, постов в социальных сетях и пр.; равнозначно люди получили доступ к чужим воспоминаниям, а также образу Другого в иной точке времени (посты N-летней давности, архивы фотографий с мероприятий и пр.). «Интернет помнит всё».

С другой стороны, технологии редактирования, обработки и новые подходы к «синтезации» информации (в первую очередь визуальной) определяют основания нового витка споров об истинности как этической ценности: насколько эстетическая значимость и психологический комфорт рецепиента важнее объективного отображения реальности.

Обостряется вопрос объективности и проблемной полноты памяти. Современная информационная эпоха предполагает работу с прошлым такой интенсивности, какой ранее не наблюдалось. И все же современную память психологи характеризуют как рассеянную. Рассеянность определяется и в том смысле, что память расплывлена всюду (места памяти, социальные сети, дополненная реальность и пр.), и в том смысле, что индивидуальная память становится всё более расплывчатой, ассоциативной: для формирования полного припоминания человеку зачастую требуется несколько источников воспоминаний [12, с.85].

Принцип «не запостил — значит, не было» можно перевести и как «на записал — значит, забыл», и как «не запечатлел — значит, не попал в историю». Или, используя выражение П. Нора: «Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя» [6]. В условиях повсеместной медиатизации «события, в ходе которых до известной степени ничего не происходит... мгновенно обретают глубоко символический смысл и становятся в самый миг их развития своей собственной до-

срочной коммеморацией» [6]. П. Нора обратил внимание на то, что исторические события обрастают мифологизированными, культурно-востребованными образами, воплощенными в понятии «мест памяти». Немецкий историк места памяти характеризует следующим образом: «На самом деле они [места памяти] являются местами в трех смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания» [6]. В связи с неисчерпаемостью смысла мест памяти (так как он социокультурно и исторически фундирован) к ним возможно отнести и конкретного человека [7]. С распространением новых медиа число подобных личностей умножается, они все чаще сменяют друг друга. Исторически и культурно значимый персонаж выступает в качестве собирательного носителя качеств эпохи или определенного промежутка времени. На него возлагается роль вдохновения и воплощения ценностных установок общества в целом или отдельной группы. Подобные персонажи порождают новые модели «повседневного» памятования.

Об этом говорил итальянский мыслитель, историк культуры У. Эко в «Заметках о телевидении». В статье «Размножившиеся медиа» он наделяет массмедиа двумя кажущимися несовместимыми качествами — генеалогичностью и одновременно лишенностью памяти: «Генеалогичность заключается в том, что любое новое явление влечет за собой цепочку подражаний, в результате чего складывается некий общепринятый язык. «Беспамятны» они потому, что, когда цепочка подражаний сформирована, никто уже не может вспомнить, кто стоял у истоков, и ничего не стоит перепутать родоначальника с последователем» [8, с.410].

Генеалогичностью и беспамятностью проникнуты и процессы формирования субъекта памяти (практик памятования инструментами ИИ), и образования специфичной медиа- и цифровой «добродетели» («посредственности» у У. Эко), и механизм складывания «героев эпохи» (служащих неким «напоминающим знаком», местом памяти). В своих размышлениях⁵ о роли и качестве телевидения У. Эко фиксирует нового героя (герой-идеал), с которым отождествляет себя телезритель — «не супермена (superman), а эвримена (everyman)», «среднего», ординарного, обычного человека, «не очень красивого», «обыденно невыразительного»: «Триумф человека, которому поклоняются миллионы, объясняется тем, что в каждом поступке и каждом слове персонажа ... просвечивает абсолютная посредственность» [8, с.16,17].

Встает вопрос о том, является ли такое обращение к «эвримену» утратой идеалов или новым витком гуманизации? Ещё одним шагом к мечте философов Просвещения, когда человек обращается к самому себе и видит в каждом человеке непреложную ценность уже в следствии существования? Определяя «эвримена» в качестве героя, мы определяем *каждого* местом памяти, ценность человеческой жизни, человеческих переживаний никогда не признавалась так широко. *Каждый* эвримен становится достойным того, чтобы остаться на скрижалях облачных серверов.

С другой стороны, с приходом цифрового компонента взаимодействия начинает функционировать новый режим запечатления и последующей трансляции значимого героя, его образа жизни по отношению к «новому прошлому», то есть к бесконечно формирующемуся на страницах современных цифровых массмедиа, на экранах многосерийных кинофильмов и на телевидении. Такие герои, как еще заметил У. Эко, очень «хрупки», временны, так как они не являются носителями какой-либо идеи: «... эти персонажи как будто удовлетворяют запрос эпохи, оставшейся без мифов и без героев, одержимой коллективными феноменами, которые не могут быть сведены к одному эпониму» [8, с.203]. Например, продолжает У. Эко, смерть Гагарина на несколько недель лишь

⁵ Особенно в ранних статьях 1960-х гг.

оживляет космическую идею (технических свершений, коллективного триумфа), но не отсылает к собственно персональному, индивидуальному герою. Уничтожается, или обезличивается, сама фигура героя, однако сохраняются 1) потребность в узнаваемых лицах, 2) «герои-заменители» (образцовые фигуры, череда временных «звезд»), 3) «герои-лозунги», или общие модели для подражания [8, с.204-205]. В настоящее время «устаревание» персонажей происходит в ускоренном режиме за счет большей дифференциации цифровых видов активности, размножившихся платформ и сервисов и доступом каждого человека к формированию специализированных новостей. Все это объяснимо тем, что «... модель для подражания выбирается там, где ее выживание обеспечивается значительным проектом, референтом, который не уничтожается успехом олицетворяющего его персонажа, но незаменимо сливается с ним» [8, с.205]. Брижит Бардо и Твигги есть взаимозаменяемые примеры чувственности. Небольшим исключением здесь выступают «герои-лозунги», избранные в соответствии с персональным жизненным проектом и вопреки навязанным массмедиа персонажам. Изображения таких героев вешают на стены в виде плакатов, выставляют в социальных сетях и используют на экранах мобильных устройств. По своему смыслу развешивание плакатов отсылает к иллюстрации П. Нора такого места памяти, как революционный календарь: «Вот возможное место памяти — революционный календарь, поскольку в качестве календаря он должен был создать априорные кадры всей возможной памяти, а в качестве революционного календаря по своей рубрикации и по своей символике он, по смелому выражению его главного организатора, предполагал «открыть новую книгу истории», чтобы, по словам одного из его авторов, «вернуть французам самих себя». ... благодаря ему возникают ключевые даты, события, навсегда связанные с ним Вандемьер, Термидор, Брюмер» [6].

Массмедиа непрерывно создают рассказы и бесконечные их интерпретации, подкрепленные «великим коллективным», моделями индивидуальной идентичности, сохранение которых претворено в фиксации, интерпретации и трансляции преходящих «героев» эпохи, в сущности,

отражающих «триумф посредственности» и приобретение ее ценности в силу утраты анонимности. В итоге, «у нас нет больше времени искать свою тождественность ни в архивах, ни в памяти, ни в каких-либо планах или в будущем. Нам нужна мгновенная память, быстрое ветвление, нечто вроде рекламной тождественности, которая может подтвердиться в любой момент» [3, с. 36]. Или же наблюдается то, на что указывал П. Нора в конце XX века: «Решительное смещение того, что передает память: вместо исторического — психологическое, вместо социально-го — индивидуальное, вместо всеобщего — субъективное, вместо повторения — ремеморация. Оно возвещает новый режим памяти в качестве абсолютно частного дела» [6].

Вышеупомянутые факты избрания и памятования «героев эпохи» возможно отнести к индивидуальным практикам. Перед пользователем в сетевом обществе предстает множество непопулярных личных историй, семейных рассказов и воспоминаний, что требует процедуры доверенного совмещения, проверки и согласования с усвоенным знанием о прошлом. Распространение любительских занятий семейными историями (к личности умершего «славного предка» на индивидуальном уровне) может иметь тенденцию к формированию новых коммеморативных практик, практик «(со)воспоминаний» и мемориальных мероприятий в силу того, что индивидуальные нарративы включаются в коллективные. К таким, например, относится российское движение «Бессмертный полк». Непосредственное участие в акции сегодня подкрепляется возможностью аналогичных действий в цифровом формате, что порождает вопрос границ трансформации практики. Данное движение представлено на странице «Мой полк.ру». В разделе «Народная летопись» используются цифровые технологии для перевода рукописной базы источников в цифровой формат. Но также ресурс позволяет записать историю семьи, жизни родственника, «славного предка» военного и послевоенного периода. Его идейная основа выражена в следующих репликах: «Народная летопись — неотъемлемая часть движения Бессмертный полк. С помощью современных технологий мы стараемся создать надежный ресурс, на котором вы могли бы создавать и хранить свои семейные истории. Дополнять и редактировать их. Переда-

вать своим детям и внукам» [2]. Фото- и видеоматериалы, документы и награды, воспоминания и комментарии родственников — одни из многих составляющих частной истории. Однако факт ее рассказа носит внеперсоналистский характер: помимо генеалогических изысканий и воспитательного аспекта для потомков, индивидуальная история есть, прежде всего, часть от общего. Это элемент военной истории в целом, слагающийся во «всемирную традицию» [2].

Таким образом, движение «Бессмертный полк», цифровой проект «Народная летопись» являются коммеморативной практикой, практикой (со)воспоминания в национальном масштабе. Видится, что дигитальные технологии вносят в подобные практики следующий новый компонент (скорее количественно, а не качественно новый): объединение удаленных друг от друга «вспоминающих» и обеспечение доступа к закрытым, забытым или поврежденным ранее материальным носителям. В итоге, действительно, как отмечает А. Ассман, «интернет создает основу для общения на больших расстояниях в пространстве» [10, с.109].

Однако и у данной практики есть ряд внутренних противоречий. Интернет является областью схождения приватного и публичного, локального и глобального. Интернет как виртуальное пространство памяти, вмещающее разрозненные свидетельства отдельных лиц и инициативных групп, усложняет процедуру определения экспертного знания о прошлом. Кроме того, так как «в интернете охотно говорят и вспоминают о том, чему не находится места в официальных рамках памяти, установленных государством и обществом», проблематичным оказывается однозначная моральная оценка сформированных смыслов [1, с.267]. Приведем в пример международную практику. В 2010 году Джон Крейг и Марк Скварек представили AR-проект «Пограничный мемориал: Город мертвых» [11], визуализирующий статистику смертей трудящихся-мигрантов на границе между США и Мексикой, отмечая виртуальными объектами те места, где были найдены останки. Проект выполнен в формате мобильного приложения с функцией дополненной реальности. Приложение репрезентирует, фиксирует масштабы гибели людей, пересекавших границу США–Мексика, отмечая

каждое место, где были обнаружены человеческие останки, с помощью виртуального объекта. Основанные на традиционной форме резьбы по дереву из Оахаки, виртуальные объекты состоят из трехмерных геометрических моделей скелета или калака⁶. Проект выстраивается на оппозиции «отсутствующей» виртуальной реальности и вещественно-присутствующей действительности, затем, чтобы трансформировать, перевернуть схему. В итоге, он наделяет большим значением эфемерную виртуальную среду и формирует в ней ценностно-значимый взгляд (альтернативный доминирующей властной исторической позиции) на прошлое и соответствующее отношение к нему.

Как на индивидуальном, так и на коллективном уровне требование информационного общества в тотальной документализации своей жизни оборачивается проблемой объективности этих воспоминаний. На индивидуальном уровне вопрос ограничивается постобработкой фотографий, встроенными фильтрами, честностью интерпретации автора, если речь идет о текстовых постах. Когда же мы говорим о коллективной памяти, то вопрос памятования представляется платформой для консолидации граждан: пользователи распределяются по пространствам памяти, не преодолевая уже сформированные информационные пузыри.

Сегодня всё более распространенными становятся цифровые мемориальные практики: размещение фотографий с портретом умершего в сетевой реальности или коллективных фотографий, где на одной фотографии запечатлен уже умерший и автор страницы в социальной сети, обращение к цифровым кладбищам. Может казаться, что память об умершем аккумулируется теперь в цифровом пространстве. Однако в своей основе дигитальное измерение, постоянно расширяясь, девальвирует производимое. Так же неотвратимо как Интернет помнит, точно также неотвратимо он забывает. Частные истории жизни оказываются растворенными и зачастую не актуализированными в бесчисленных подобных рассказах. Социальные страницы умерших «умирают», удаляются или «избегаются» живыми.

Цифровой режим характеризуется усиленными, интенсивными процессами забвения, а также сокрытия, вытеснения и перезаписи воспо-

⁶ Калакас (kalaka) используется в память о потерянных близких во время мексиканских фестивалей Дня мертвых.

минаний. Как указывает А. Ассман: «Чтобы помнить одно, нужно забыть другое. Наша память очень избирательна» [10, с.109]. Сегодня к ограниченности емкости индивидуальной, культурной памяти присоединяется избирательность цифровая, то есть технологического характера, воплощенная в «машинной» памяти. А. Ассман приводит два типа забвения культурной памяти: «более активное» и «более пассивное». Активное предполагает намеренное волевое действие по исключению материалов. Оно включает акты отрицания, разрушения, а также маркирования предметов и явлений в качестве несущественных и малозначимых. А «пассивная форма культурного забывания связана с непреднамеренными действиями, такими как потеря, сокрытие, рассеивание, пренебрежение или оставление чего-либо» [10]. Последний тип в большей степени описывает память в цифровых условиях, которые в своей основе предрасположены к исключению предметов из рамок внимания, оценки и использования. Подобное «половинчатое забвение» есть одновременное сохранение информации, данных и их статус беспмятства, но до момента их актуализации в зависимости от являющихся контекстов и дискурсов.

Как забвение, так и припоминание, утверждает А. Ассман, представлено в двух измерениях: активном и пассивном, или как канон и архив соответственно.

Канон — активно распространяемая память, которая сохраняет прошлое настоящим; культурные сообщения, адресованные потомкам и предназначенные для постоянного повторения и повторного использования. Он строится «на небольшом количестве нормативных текстов, мест, людей, артефактов и мифов, которые предназначены для активного распространения и передачи в новых репрезентациях и представлениях» [10]. Поступающее в активную память проходит строгий процесс отбора, номинируется как ценностно значимое, и тем самым формирует три основные области активной культурной памяти: религию, искусство и историю. Религии соответствует религиозный канон, искусству — канон классики, истории — коллективный национальный нарратив. И таким образом активная культурная память представляет узкий круг священных текстов, художественных шедевров или ключе-

вых исторических событий во вневременных рамках [10]. Объекты внимания пассивной культурной памяти, напротив, не соответствуют критериям канонического отбора, но признаются в качестве достаточно важных для хранения и передачи социальной группой или обществом в целом.

Архив выступает в качестве хранилища культурных реликвий: «Архив — это основа того, что можно сказать в будущем о настоящем, когда оно станет прошлым» [10]. А. Ассман различает политические и исторические архивы, которые хранят свои материалы «в промежуточном состоянии «уже нет» и «еще нет», лишенные своего старого существования и ожидающие нового» [10].

Наиболее наглядно концепции Канона и Архива представляется на примере музея. Музей получает свой собственный цифровой аналог и свое собственное продолжение в сети, используя ресурсы дополненной, виртуальной реальности, развитие технологий мобильных устройств и игровые/мультимедийные форматы представления данных. В связи с этим также отметим позицию А. Ассман: «Эти два режима культурной памяти [активный и пассивный] можно проиллюстрировать на примере разных помещений музея. Музей представляет зрителю свои престижные объекты на представительных выставках, призванных привлечь внимание и произвести неизгладимое впечатление. В том же музее также есть кладовые, наполненные другими картинами и предметами в периферийных помещениях, таких как подвалы или чердаки, которые не представлены публично» [10, с.110]. Им же соответствуют канон и архив.

Сегодня музей представляется своим собственным дигитальным образом, отраженным в социальных сетях. Безусловно, музей «в сети» может копировать предметы коллекций, временных выставок; хранить материалы выступлений экспертов, критиков, записи обсуждений и дебатов. То есть осуществлять простую процедуру перевода в цифровой вид аналоговых предметов, репрезентировать активный и пассивный режим памяти в качестве легитимной институции. Однако музей также в дигитальном формате выполняет функцию преимущественно уже не консервации прошлого, но сиюминутной, актуальной репрезентации сформированного образа. Посетитель музея может выступать не пассивным лицом, не обозревателем накопленного, но активным

(со)участником, толкователем и автором оригинальных трактовок, к примеру, в медиации, в том числе, когда мы говорим о феномене фиджитал. Тем самым современный музей формирует практику как форму знания и может быть сопоставим по смыслу с живыми выступлениями, представлениями, которые «не могут быть зафиксированы и сохранены извне», но которые «умножаются и продолжаются «в постоянном состоянии повторения» [10].

Собственно, сайт музея оперирует обязательным разделом «Новости», «Рассылка новостей», временными выставками, возможностью проведения мастер-классов, показов, творческих выступлений. «Живой» образ музея поставляет обновляющийся «контент», наполнение, содержание, страницы в Интернете. Формируемый самим музеем цифровой образ преимущественно не соответствует запросу на документальную фиксацию, а функционирует в соответствии с логикой выстраивания архитектуры дигитального пространства или медиасреды. В цифровой среде в большей степени музей характеризуется активными режимами культурной памяти. Это объясняется в том числе тенденциями «визуальной», или образной эры, для которой характерно «необратимое переживание потери, утраты истории»: «Новые медиа сплющивают прошлое на видимой поверхности даггеротипа или умещают его в длительности звучащей фонограммы или времени кинопросмотра, но тем самым прошлое не только утрачивает область прежней своей автономии, но она перестает наделять этой автономной позицией того, кто оказывается, таким образом, выброшен в пространство одних лишь воспринимаемых моментальных событий» [5, с. 129].

Таким образом, отвечая на поставленные в начале статьи проблемы, представляется важным заметить, что трансформация подходов к памятованию, в том числе проникновение смерти в цифровое пространство, безусловно, не могут происходить незамеченными. Тем не менее представляется естественным, что, всё больше обживаясь в виртуальном, человек в конечном итоге приносит смерть и туда. Мемориальные и коммеморативные практики в дигитальной среде, во многом, являются логическим продолжением аналоговых практик. На данном этапе

технологического развития вопрос о цифровом бессмертии не стоит перед обществом.

Что же касается вопроса истинности памяти как ценности, то, с одной стороны, мы наблюдаем увеличение внимания к «эвримену», признание самоценности его памяти, возможность признания каждого в качестве героя. С другой стороны, «коррекция» памяти становится всё более и более актуальной для каждого человека. Неотъемлемой характеристикой современного героя является его хрупкость в том числе в следствии рассеянности памяти, фрагментарности виртуальной памяти.

Противоречия сохраняются и на уровне культурной памяти общества. На данном этапе социальные сети музеев всё ещё стремятся к репрезентации себя, скорее, в качестве канонов: сформированных нарративов, в том числе предлагая конкретный набор моральных ценностей для верной интерпретации исторических событий. Несмотря на то, что запрос на архивный подход постоянно присутствует в общественном дискурсе, практики дигитального памятования на данном этапе не приближают общество к формированию объективных, всесторонне представленных воспоминаний.

Следовательно, цифровое пространство, которое, исходя из своей архитектурной логики, могло бы разрешить конфликт Канона и Архива, повторяя социальную логику, продолжает формировать скорее «островки» рассеянной культурной памяти, чем помогать выстраивать и осмыслять сложный исторический контекст

Современные механизмы и акты памятования, появившиеся в цифровых реалиях или трансформированные ими, при учете их внутренних смысловых противоречий представимы в концепциях мест памяти — героя эпохи, Канона и Архива, между активным и пассивным типом культурной памяти и культурного забвения. Современные институты памяти в дигитальной среде наделяются свойствами Архива как статичные хранилища одновременно «уже» и «еще» не актуального; чертами Канона — как динамичные институции актуализации принятых как ценные объектов и данных. Трансформация моделей формирования индивидуальных и коллективных практик воспоминания и (со)воспоминания, организованных вокруг значимой фигурой, обусловлена сутью медиа-и дигитальных процессов: прошлое «выброшено» в пространство одних лишь воспринимаемых моментальных событий. Современные ме-

диа «ставят сохранение в прямую зависимость от трансляции, оставляя за прошлым исключительно смысл разделения и распада на множественность копий, превращая заботу об архиве в работу манипуляции с различными копиями и перезаписями одного и того же исходного материала» [5, с.131].

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Бессмертный полк. [Электронный ресурс] URL: <https://www.moypolk.ru> (Дата обращения: 08.06.2024).
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / под ред. Е.О. Труфановой (отв. ред.), Н.Н. Емельяновой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 400с.
5. Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие / Глав. ред. В.В. Савчук. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017. 388 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора и др. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
7. Шенк Ф.Б. Концепция «Lieu de memoire» // Исторические записки. 2011. № 2.
8. Эко У. О телевидении: статьи и эссе 1956-2015: перевод с итальянского. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2023. 640 с.
9. Этические рекомендации в области создания и использования цифровых имитаций живущих, умерших и несуществующих людей. [Электронный ресурс] URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_documents/2024/04/26/Рекомендации_по_цифровым_имитациям_АИИ.pdf (Дата обращения: 08.06.2024).
10. Assmann A. Canon and Archive // Media and Cultural Memory: Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. Pp. 97-109.
11. Border Memorial: Frontera de los Muertos. [Электронный ресурс] URL: <https://johncraigfreeman.wordpress.com/border-memorial-frontera-de-los-muertos/> (Дата обращения: 08.06.2024).
12. Hutmacher, F., Appel, M., & Schwan, S. (2024). Understanding Autobiographical Memory in the Digital Age: The AMEDIA-Model. Psychological Inquiry, 35(2), 83–105. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2024.2384125>

References

1. Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 328 p.
2. Bessmertnyi polk [Immortal Regiment]. Available from: <https://www.moypolk.ru> [Accessed 8th June 2024].
3. Bodriiär Zh. Prozrachnost' Zla [The Transparency of Evil]. M.: Dobrosvet, 2000. 387 p.
4. Individual'naia i kollektivnaia pamiat' v tsifrovuiu èpokhu: Kollektivnaia monografiia [Individual and Collective Memory in the Digital Age: A Collective Monograph], ed. E.O. Trufanova, N.N. Yemelyanova, A.F. Yakovleva. M.: Akvilon, 2022. 400 p.
5. Mediareal'nost': kontsepty i kul'turnye praktiki: uchebnoe posobie [Media Reality: Concepts and Cultural Practices: A Textbook], ed. V.V. Savchuk. St. Petersburg: Fond razvitiia konfliktologii, 2017. 388 p.
6. Nora P. Problematika mest pamiati [Problematics of places of memory. France-memory] / P. Nora, et al. Saint-Petersburg: Publ. house of Saint-Petersburg Univ., 1999. Pp. 17–50.
7. Shenk F.B. Kontsepsiia «Lieu de memoire» [Concept «Lieu de memoire»]. Istoricheskie zapiski, 2011, 2.
8. Èko U. O teledenii: stat'i i èsse 1956-2015 [About Television: Articles and Essays 1956-2015]. M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2023. 640 p.
9. Èticheskie rekomendatsii v oblasti sozdaniia i ispol'zovaniia tsifrovyykh imitatsii zhivushchikh, umershikh i nesushchestvuiushchikh liudei [Ethical guidelines for the creation and use of digital imitations of living, deceased and non-existent people]. Available from: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_documents/2024/04/26/Рекомендации_по_цифровым_имитациям_AИИ.pdf [Accessed 8th June 2024].
10. Assmann A. Canon and Archive // Media and Cultural Memory: Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. Pp. 97–109.
11. Border Memorial: Frontera de los Muertos. Available from: <https://johncraigfreeman.wordpress.com/border-memorial-frontera-de-los-muertos/> [Accessed 8th June 2024].
12. Hutmacher, F., Appel, M., & Schwan, S. (2024). Understanding Autobiographical Memory in the Digital Age: The AMEDIA-Model. Psychological Inquiry, 35(2), Pp. 83–105. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2024.2384125>